

Александр Русалев

Рябовский

Александр Русалев Рябовский

<https://litres.ru/74272484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художник Рябовский — человек порыва: он пишет на пленэре у волжских берегов, живёт на пределе чувств и влюбляется с головокружительной лёгкостью. Его путь — это поиск красоты в природе и в людях, а ещё — непростые отношения, страсти и драматические повороты судьбы. Сборник рассказов раскрывает тонкую связь между вдохновением и любовью, показывая, как чувства питают искусство и одновременно могут его разрушать.

Содержание

Глава 1 Кайф	4
Глава 2 Новая муза	10
Глава 3 Шедевр	14
Глава 4 Натурщицы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Русалев Рябовский

Глава 1 Кайф

Эпилог

«Почему я один? Почему женщины, бывшие в моей жизни, не принесли мне покоя и счастья? Быть может, потому, что даже лучшие из них — собственницы. Им нужно всё или ничего. Я так не могу. Весь я могу принадлежать только моей тихой бесприютной музе, всё остальное — суета сует... Но, понимая это, я всё же стремлюсь к невозможному, мечтаю о несбыточном...»

И.Левитан.

Рябовский и Ольга Ивановна стояли на высоком берегу Волги где-то под Кинешмой и любовались открывающимся их взорам дивным видом. Заканчивался сентябрь, но до сих пор стояла ласковая тёплая погода. По небу проплывали игривые облачка в форме белогривых лошадок, светило радостное солнце и нежно дул приятный прохладный ветерок.

— Что с вами, Иван Ильич? Да право же, вы плачете?

— Это слёзы радости! — с душевным надрывом сказал Рябовский и встряхнул своей белой шевелюрой, — Это просто кайф, скажу я вам, Ольга Ивановна, чистый кайф! — Ря-

бовский вдохнул полной грудью и распростёр руки.

— Кайф? Это что-то по-немецки? Не знаю такого слова,
— лицо Ольги Ивановны стало озадаченным.

— Это по-вселенски, дорогая вы моя Оленька! — и Рябовский обнял её своими длинными тонкими руками за узкие детские плечи. — Это Вселенная дарит нам с вами такую красоту. Вот она — Русь! Русь Запредельная! — Рябовский быстро поцеловал Ольгу Ивановну в щёчку и продолжил: — Но полноте восторгов и розовых соплей. К делу! К делу, любовь моя!

Рябовский, наклонившись к лежавшему подле них на траве скарбу, начал быстро собирать этюдник. На траву полетели тюбики с краской, кисти, тряпки и флаконы с лаком и скипидаром. Поставив себе и Ольге Ивановне этюдники и выдавив быстрыми и ловкими движениями краску, он обернулся в сторону пролеска, громко свистнул и закричал:

— Проща! Где ты, лоботряс? Ну-ка, поди сюда.

Из зарослей небольших кустов неподалёку появилась фигура долговязого парня лет двадцати с сонным лицом. Рыжего, курносого и в веснушках. Проща являлся носильщиком всего этого художественного скарба на постоянной основе уже второй год подряд. Рябовский что-то быстро написал карандашом на листке бумаги и протянул его Проще.

— Значит, дуй в город, Прохор, — деловито распорядился Рябовский, — обязательно в Чехонтэ. Там я всё написал, что надо. Скажешь приказчику, что от меня. Если вдруг не

будет красного сухого, то бери тогда белое полусладкое. Запомнил? Ступай.

— Так точно, ваше благородство, — пробасил Прошка и, развернувшись на месте, направился в сторону города с котомкой наперевес.

Рябовский развернулся к Ольге Ивановне и сказал тихо, заговорщически:

— В такой прекрасный день, радость моя, будет грешно нам после этюдов не испытать винца на свежем воздухе, — подмигнул Ольге Ивановне и запел приятным баритоном: — Под небом голубым, есть город золотой...

Прищурившись, он начал изучать натуру, как обычно перед каждой пленэрной работой. А натура была и впрямь великолепна. Волга делала здесь поворот и от этого берега её становились величественными. Изгиб реки на том берегу создавал выступ, который, в свою очередь, был холмистым, а не низким, как обычно бывает на противоположной высокой стороне. Холм плотно зарос строевыми соснами вперемешку с пожелтевшим молодым березняком. Но и на этом высоком берегу растительность всем своим калейдоскопом красок просилась на холст. Красные и жёлтые листья клёна создавали комплементарный тёплый контраст к холодному голубому цвету воды. Река здесь была достаточно широкой и переливалась перламутровыми зайчиками в лучах солнца.

Быстрыми и уверенными движениями кисти Рябовский небрежно накидывал краску на холст. И вот из этих цветных

и, казалось бы, разрозненных пятен стали проявляться очертания реки и берега напротив, голубого неба и игристых облаков. Через десять минут, от силы, он закончил свой этюд и, довольно крикнув, сказал:

— Первый готов!

Ольга Ивановна же, как будто только примерялась к этюду. Чертила какие-то линии, смешивала мастихином на палитре краску и вздыхала. Рябовский подошёл сзади и, оценив холст с каракулями, обнял Ольгу Ивановну за талию и поцеловал в шею.

— Смелее, смелее, о моя Дульсинея! — Рябовский взял руку Ольги Ивановны с кистью в свою и стал направлять её в нужное направление по холсту.

— Ой, право же, я такая неумёха в сравнении с вами, мой великий гений, — зарделась Ольга Ивановна.

Между делом Рябовский продолжал нежно целовать тонкую шейку Ольги Ивановны.

— О, Боже, Иван Ильич! Вы смущаете меня...

Со стороны леса появился Прошка и, оповещая о своём приходе, дважды кашлянул.

— К чёрту живопись! — обернувшись на Прошку, театрально вскрикнул Рябовский, — Пора и честь знать! Прошу к столу.

На полянке возле этюдников и остальных вещей уже стоял воткнутый в землю большой зонт и расстеленное покрывало. Ловко орудуя штопором, Рябовский откупорил бутылку

красного сухого вина. Ольга Ивановна тем временем доставала из корзинки, принесённой Прошкой, остальную снедь. Там были кусочек голландского сыра в дырочку, вяленые рябчики, варёный картофель, огурчики, листья салата, раковые шейки в стеклянной баночке, оливки и штук пять трюфелей, аккуратно завернутых в обёрточную бумагу.

— Ну, за прекрасную натуру! — триумфально произнёс Рябовский, — За нашу добрую красавицу Русь! За эту великолепную золотую осень!

После того, как Рябовский и Ольга Ивановна перекусили и испили две бутылки красного вина под разговоры о красоте здешних мест и в целом России, о величии и силе искусства, Рябовский пригласил Ольгу Ивановну совершить променада в сторону соснового подлеска. Они оба обожали сосны, как никто из живущих на земле людей. Проходя мимо кустов шиповника, Рябовский остановился и, выдержав паузу, сказал торжественным и одновременно саркастическим голосом:

— А теперь — сюрприз, дорогая моя ненаглядная Оленька! Пройдёмте же.

И, отодвигая одной рукой кусты, а другой — держа за руку Ольгу Ивановну, он увлёк ее немного вглубь.

— Боже мой, этого не может быть! — громко до неприличия закричала Ольга Ивановна.

На небольшой полянке среди кустов стоял рояль! Самый настоящий чёрный блестящий рояль.

— Да как такое возможно, Иван Ильич?! — продолжала вскрикивать Ольга Ивановна.

— Полноте слов и удивлений, любовь моя. Играйте. Играйте же мне тотчас! — выкрикнул теперь уже Рябовский, подобострастно прижав руки к груди.

Ольга Ивановна, сев за рояль, возле которого стоял ещё и настоящий стул, начала играть любимые сонаты Рябовского. Рояль был, пусть немного и расстроен, но сам факт его звуков в кустах, на берегу Волги в таком замечательном месте вызвал бы душевную эйфорию даже у глухонемого.

Рябовский стоял у рояля и плавно раскачивался в такт музыки. Потом он поднял руки вверх и стал негромко хлопать ими. Он подошёл к Ольге Ивановне сзади и стал осыпать её спину, шею и затылок страстными поцелуями. Звуки рояля становились всё пронзительнее и громче и, вдруг, резко оборвались на не доигранной ноте... Рябовский, как коршун, схватил на руки Ольгу Ивановну и побежал с ней в направлении пролеска, высоко задирая свои длинные, как у цапли, ноги.

— Кайф! Кайф! Неопиcуемый кайф! — раздавался его голос, удаляясь в молодых соснах.

Глава 2 Новая муза

Рябовский сидел за круглым столом небольшой комнаты, свесив голову и обхватив ее руками. Эту комнатку в уютном и добротном деревенском доме они снимали с Ольгой Ивановой на время летних пленэров под Кинешмой. Вторую неделю моросил бесконечный дождь, лето заканчивалось на печальной ноте.

— Вы так и будете весь день сидеть за столом? — устало спросила Ольга Ивановна. Лицо её было печально.

— А что прикажете делать, дорогая, в такую погоду? Нет уже никаких моральных сил выносить это, — Рябовский поднял голову и посмотрел пустыми глазами на Ольгу Ивановну, как будто смотрел сквозь неё.

Вчера Рябовский заставил себя выйти из дома и отправился на охоту. Вернулся весь мокрый, усталый и злой. Кинув к ногам Ольги Ивановны мертвую чайку, только и сказал с морозом в голосе: — Нате! Потом он извинялся и плакал, сидя на полу в ногах Ольги Ивановны. Она гладила руками его белую шевелюру и горько вздыхала.

— Вы знаете, Иван Ильич, я, наверное, поеду домой. Я не могу так больше, — будто собираясь разрыдаться, сказала Ольга Ивановна, стоя у окна и глядя в серую хмарь.

— Да, конечно, конечно, поезжайте, Ольга, ваш благоверный, наверное, уже заждался.

— Каким чужим стал ваш голос, Иван Ильич. Вы не называли раньше меня так сухо: просто Ольгой. Вы больше не любите меня, — не спросила, а констатировала она.

— Давайте не сейчас, Оленька! Прошу вас, право же! Вы же видите, я целиком захвачен в плен этой страшной хандрой. Поговорим, когда это пройдёт.

Всю ночь Ольга Ивановна всхлипывала и вздыхала. Рябовский делал вид, что спит, отвернувшись к стене, а под утро начал храпеть. Ольга Ивановна зло тыкала в спину Рябовского своим острым локотком, на что он в ответ только мычал и продолжал храпеть дальше. Утром после завтрака, который прошёл в полном молчании, Рябовский вышел на крыльцо проводить Ольгу Ивановну. Они холодно попрощались. Не успел ещё тронуться извозчик, как он уже ушёл обратно в дом. Ольга Ивановна сидела на телеге под зонтом с мёртвым выражением лица, по щекам её лились слёзы.

— Какой же я мерзавец! — прошептал Рябовский и ударил себе по лицу ладонью наотмашь. Он сел сначала за стол, привычно обхватив голову руками. Потом встал и заходил кругами по комнате. Подошёл к небольшому зеркалу в углу комнаты, посмотрел на себя внимательно и от души плюнул в своё отражение. Достав из шкафа ружьё, Рябовский быстро зарядил его картечью и стал снимать башмаки. Направил дуло себе в рот. Поставив ружьё прикладом на пол, нажал большим пальцем правой ноги на курок. Выстрел прозвучал неожиданно, как гром. Кувшин, который Рябовский рисовал

неделю назад в натюрморте, упал с полки и со звоном разбился. В комнату вбежала Варя — миловидная девушка лет двадцати, дочь хозяина дома. Со всей мочи она заорала: — А-а-а-а-а, Иван Ильич стрелялся!

... Через три дня дождь закончился и выглянуло робкое бледное солнышко. Небо стало светлеть и местами покрываться голубыми, будто только-что нарисованными свежей краской, пятнами. Варя с застенчивой улыбкой сидела на стуле и позировала Рябовскому. Прямо здесь, на веранде, художник установил этюдник и писал портрет Вари.

— Знаете ли, дорогая моя Варенька, — задорно тараторил Рябовский, ловко орудуя кистью и мастихином, — я вовсе и не портретист, я пейзажист. Но этот портрет, уж поверьте мне, будет ничуть не хуже, чем у Серова или Репина. Ибо грудь мою, Варюша, наполняют нынче чувства, мне доселе как будто неведомые и загадочные.

— Какой же вы смешной, Иван Ильич, с этой повязкой на голове, — смеялась Варенька и вся светилась чистым, как лучик солнца в ясное небо, счастьем.

Тогда, три дня назад, в последний момент Рябовский отдёргнул ствол. Картечь задела лишь щеку и ухо. Варя ухаживала за ним. А в четверг она зашла к Рябовскому в комнату в одной простыне и сказала, что баню истопили... А потом простыня пала с её немыслимо очаровательных плеч на пол и она тихо промолвила, опустив голову и краснея: — Я люблю вас, Иван Ильич.

Глава 3 Шедевр

Рябовский стоял в своей мастерской метрах в пяти перед огромным холстом, словно окаменевший памятник самому себе. Глаза его были прищурены, а лицо имело такое выражение, будто он навсегда теперь пребывал в вечном покое. На картине был изображён косогор с церквушкой и простирающаяся до горизонта серебристая гладь большого озера. Минут десять, а может быть и больше, он стоял так не шелохнувшись. В одной руке его застыла большая фаянсовая палитра с красками, а в другой — пучок кистей и свисающая ветошь. В углу за роялем сидела Ольга Ивановна и, в который уже раз подряд, играла Траурный марш Шопена.

— Иван Ильич, — с капризом в голосе сказала она, не переставая играть: — я уже скоро с ума сойду от этого жуткого марша.

Рябовский только слегка качнул в ответ головой и продолжил стоять как истукан.

— Иван Ильич, ну вы, право же, уснули?! — Ольга Ивановна перестала играть, оборвав марш на не доигранной ноте.

Рябовский открыл глаза и, не отрывая взгляда от своей картины, медленно самодовольно прошептал: — Это шедевр! С большой буквы этого слова, Оленька. Это просто невероятно!

Он резко развернулся на каблуках, быстро прошёл к рабочему столику рядом с картиной и небрежно бросил на него палитру и кисти.

— А я сейчас свихнусь от счастья, дорогая моя! — он приложил руки к груди, театрально запрокинув голову: — Надо тотчас же напиться в дребадан и забыться, Оленька. Либо я застрелюсь в порыве обуревающих меня чувств!

Ольга Ивановна, встав из-за рояля, подошла к картине и стала внимательно её изучать.

— Ну? — нетерпеливо выдохнул Рябовский: — Говорите же!

— Страшно, Иван Ильич! — с надрывом воскликнула Ольга Ивановна: — Это за гранью человеческого восприятия! Это больше, чем шедевр! Давайте и правда выпьем.

Рябовский схватил со стола колокольчик с ручкой на конце и стал остервенело трясти его, задрав руку над головой. Через полминуты по железной лестнице с первого этажа появилось заспанное лицо Прошки.

— Прохор, срочно беги в трактир, возьми две бутылки "Smirnoff" номер 21 и из закуски чего-нибудь. Ну, расстегав там, солёные огурчики, пикули, чёрной паюсной и морса клюквенного.

— Будет сделано, ваше благородие, — пробасил Прошка и загромыхал своими сапожищами обратно вниз.

— Ох, Иван Ильич, прям-таки водки хотите напиться? Вы же знаете, я такое крепкое...

— Ничего-ничего, Оленька, — перебил Ольгу Ивановну Рябовский: — Я разбавлю вам клюквенным морсом и будет как аперитив.

Налив себе в гранёный стакан до краёв водки, а Ольге Ивановне разбавив водку клюквенным морсом, не чокаясь, Рябовский залпом осушил его до дна. Очень скоро он уже прилично захмелел и запел своим приятным баритоном:

— Деревянные церкви Руси,
Перекошены древние стены.

Подойди и о многом спроси —

В этих срубах есть сердце и вены...

— А знаете что, Оленька? — страстно сказал Рябовский, прикончив второй стакан водки и вращая сверкающими глазами. — А давайте эту картину уничтожим к чертям собачьим!

— О боже, Иван Ильич, да вы уже сильно пьяны! Зачем уничтожать такой шедевр? Что за вздор? Вы, право же, шутите?

— Нет, не шучу! — выкрикнул Рябовский, ударив по столу кулаком и резко вскакивая на ноги. Он схватил со стола большой кухонный нож и, заплетающейся, но при этом решительной походкой направился к мольберту с картиной.

— Иван Ильич, право же, остановитесь! — запричитала, вставая, Ольга Ивановна.

Рябовский, подойдя к картине, замахнулся и с силой воткнул нож в холст.

— А-а-а-а, Господи! — завизжала Ольга Ивановна, и слёзы брызнули из её глаз.

Рябовский тем временем кромсал свой шедевр ножом вдоль и поперёк. Льняная ткань холста натужно стонала и извивалась, будто моля о пощаде. Через минуту всё было кончено. Ключья холста висели на подрамнике, как порванный английский флаг.

— В этой картине вся моя душа, Оленька! — Рябовский развернулся и смотрел безумным взглядом на Ольгу Ивановну, которая закрыла лицо руками и громко всхлипывала.

— Здесь весь я! Всё моё нутро, весь мой дух и сердце! — продолжал он, выкрикивая в горячке слова: — И я не хочу, чтобы какие-то там критики стояли перед моим шедевром и что-то там бурчали про серый цвет и ненастоящие облака! Не хочу, чтобы они разбирали по деталям моё детище и соревновались друг с другом в своём оскорбительном остроумии. Шиш им с маслом, а не мой шедевр, этим критиканам!

— Но это было бы достоянием общественности всего мира! — стонала сквозь горькие слёзы Ольга Ивановна. — Дети в гимназиях писали бы сочинения по этому шедевр!

Рябовский проснулся с первыми лучами солнца, одетый, в кресле. На полу около кресла валялась пустая бутылка и осколки разбитого стакана. Дико болела голова, пересохло во рту. Он посмотрел на мольберт, изодранный в ключья холст и быстро отвернулся. На лице его застыла гримаса виноватого испуга. Неверной походкой он дошёл до лестницы

и кликнул Прошку:

— Что тут вчера было, Прохор? — сильным голосом спросил он.

— Да вы кричали, ваше благородие. Видать, сильно напились.

— Что кричал-то? — потухшим голосом спросил Рябовский, глядя в пол.

— Ну я точно не слышал. Видел только, как убегала по лестнице Ольга Ивановна, вся в слезах. А вы кричали ей вслед: институтка, дура, бездарность.

— Боже мой! — глаза Рябовского полезли из орбит, — Где моё ружьё?

— А ружьё перед уходом Ольга Ивановна попросили отнести Кузьмичу в дворницкую, что я и сделал, ваше благородие.

— О-о-ох, — Рябовский схватился за сердце правой рукой, а левой с силой ухватил себя за шевелюру и выдрал клочок волос. С удивлением посмотрев на волосы в своей руке, он безразлично бросил их на пол и, сжав кулак, засунул его себе в рот и начал остервенело кусать.

— Неси верёвку и мыло, Проша.

В этот момент в парадной раздалась трель входного звонка.

— Меня нет дома! — вскрикнул Рябовский и побежал в направлении уборной.

Глава 4 Натурщицы

Рябовский, высунув язык трубочкой, как с ним случалось в моменты сильного творческого напряжения, писал портрет обнажённой Вари Аничкиной в своей мастерской в доме на Большом Трёхсвятском переулке. Варя возлежала в одних розовых панталонах с ажурными рюшами на чёрном рояле, подперев голову своей тоненькой рукой. Лежала она, при этом, на шкуре белого медведя, подаренной не так давно Рябовскому известным московским галеристом Четвертаковым.

— Ох, Варенька, — сказал, посмеиваясь, Рябовский, — если бы только Чернов узнал, что я пишу обнажённую натуру, он бы, наверное, просто упал со стула. Я признанный пейзажист, который портретов-то написал раз, два и обчёлся, а тут вот такое. Варя вдруг резко села на рояле, скрестив по-турецки свои ножки, прикрыла руками грудь и нахмутив своё невинное личико, произнесла быстро и серьёзно:

— Иван Ильич, скажите мне правду. Вам от меня нужно только моё тело? Ведь я вам не ровня. Я обычная деревенская девушка. А у вас, я знаю, было много женщин из высшего света. Говорите честно, я вам нужна только для любовных утех?

У Рябовского от неожиданности отвисла челюсть. Он заморгал глазами и удивлённо вытаращил их.

— Варенька, да что вы право такое говорите! — воскликнул он, театрально подняв вверх свои длинные, как жерди, руки, — Да, у меня были женщины. Но вы ведь знаете, что я не женат. Да, я денно и ночью искал свою музу. И я её нашёл, Варенька! Это и есть вы!

— Но я слышала, Иван Ильич, что вы до сих пор встречаетесь с Ольгой Ивановной! — покраснев и опустив глаза, проговорила Варя.

Рябовский развернулся на каблуках и, ударив себя руками по бокам, быстро зашагал по мастерской.

— Кто вам такое сказал? — быстро спросил он.

— Мне сказала об этом сестра Адама Самуэловича Словакова.

— Да, Варенька! Это действительно так. Я иногда встречаюсь с Ольгой Ивановной, — Рябовский быстро подошёл к Варе и положил свои ладони на её детские плечи: — Но, поймите, Варенька, это только из жалости к ней. Я не могу вот так взять и резко бросить Ольгу Ивановну. Она тонкая творческая натура, и у неё истеричный поэтический нрав. Я просто боюсь, Варюша, что она возьмёт и наделает глупостей. Уже однажды она говорила мне, что выпьет яду, если я её брошу. Понимаете, какова ситуация?

Варя молча вздохнула и продолжала сидеть, опустив голову. Рябовский, медленно наклонившись, начал аккуратно, как-бы боясь спугнуть недоверчивую пташку, нежно целовать Варины плечи. Варя подняла свою головку и, запроки-

нув назад золотые длинные волосы, тонко постанывала. Предельно осторожно, будто боясь обжечься, Рябовский одними губами дотрагивался до розовых Вариных сосочков. Он не мог позволить себе такой вульгарности, как высунув язык, начать действовать им.

В этот момент в дверь мастерской негромко постучали кодовым стуком, который знал только Прошка. Собственно, никого другого в доме и не было. Рябовский отшатнулся от Вареньки, как от удара током.

— Чёрт! — шёпотом выругался он и подошёл нервозно к двери.

— Ваше благородие, — пробасил Прохор: — там это... Ольга Ивановна к вам пожаловать изволили.

— Скажи, что меня нет дома, — так же шёпотом сказал Рябовский.

— Виноват, Иван Ильич, — я спросонья сказал, что вы дома.

— Идиот! — прошипел Рябовский и чуть было не стукнул кулаком в дверь: — Ладно, запускай, но не ляпни только чего-нибудь лишнего, дуралей.

— Легкая на помине! — взвизгнул Рябовский и на цыпочках подбежал к Варе: — Варюша, дорогая моя, вот мы с вами и накаркали — Ольга Ивановна пожаловала.

— Божечки мой! — воскликнула Варя и испуганно вылупила глазёнки.

— Так, Варенька, спокойствие! Вам надо срочно спря-

таться. Бегите в спальню, умоляю вас! Я постараюсь от неё быстро отделаться.

Варя соскочила с рояля и побежала по коридору в спальню. Рябовский резво подскочил к мольберту и, быстро схватив холст с изображением обнажённой Вари, поставил его лицом к стене. В этот момент дверь мастерской открылась, и на пороге возникла Ольга Ивановна.

— Ох, Иван Ильич, дорогой мой, как же я соскучилась! — весело прощепетала Ольга Ивановна, улыбаясь и светясь радостью.

— Здравствуйте, Оленька, — сухо сказал Рябовский, — как поживаете?

— Да что с вами, Иван Ильич? Вы будто мне и не рады, — нахмурила брови Ольга Ивановна.

— У меня творческий кризис, Оленька. Начал вот картину и не идёт дело. Ну и сами понимаете, депрессия и всё такое.

— Ну так я и пришла излечить ваши печали! Вот посмотрите на это, — Ольга Ивановна задрала юбку, под которой оказались чёрные чулки в крупную сеточку. — Это писк французской моды, Иван Ильич. Если даже вы и разлюбите меня, то уж чулки в сеточку, надеюсь, вы не разлюбите и до самой гробовой доски? — Ольга Ивановна громко и заливи-сто засмеялась.

— Ольга, да вы, как будто, пьяны? — прищурился Рябовский.

— Да, Иван Ильич, я только что с банкета, можно сказать. У нас дома шум, веселье и гости. И сам Словаков пожаловал. Но я вот решила удрать к вам.

— Вот как, сам Словаков приехал, — задумчиво протянул Рябовский.

— А что это, Иван Ильич? — спросила вдруг Ольга Ивановна, увидев шкуру белого медведя на рояле.

— Это медвежья шкура.

— Да я это прекрасно знаю. Но что она делает на рояле?

— Лежит, — в голосе Рябовского послышалось раздражение: — Думал написать натюрморт: чёрный рояль, белая шкура и что-то красное сверху, но пока не придумал что.

— Иван Ильич, — проговорила Ольга Ивановна, закатив томные глаза: — а помните, как мы на этой шкуре...

— Я помню, помню, Ольга! — перебил её Рябовский:

— Но право же, поймите меня, я плохо себя чувствую, не до веселья мне сейчас.

— А знаете что, Рябовский? У меня, кажется, есть замечательная идея для вашего натюрморта! — сказала Ольга Ивановна и начала быстро расстёгивать пуговицы на своём платье. Сняв платье, Ольга Ивановна осталась в одних чёрных чулках, розовых панталонах с ажурными рюшами и чёрном пеньюаре. Придвинув табурет к роялю, она забралась на него и легла на медвежью шкуру, подперев голову рукой. Рябовский ошалело наблюдал за всей этой сценой, не в силах произнести ни слова.

— S'il te plaît, — промурлыкала Ольга Ивановна: — Ну разве это не кайф, как вы любите говорить, Иван Ильич? Рисуйте меня тот час же! Умоляю вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.